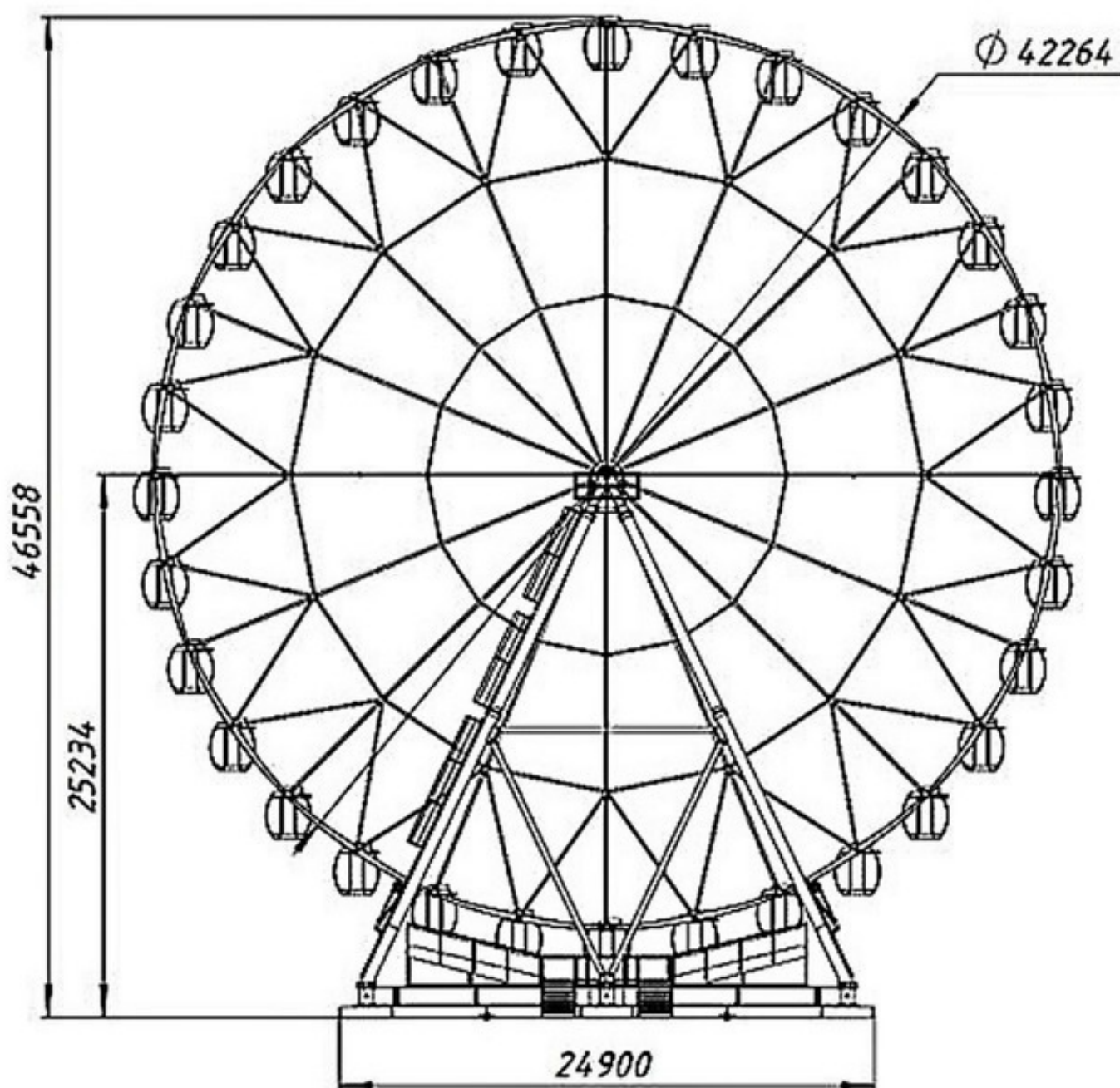

Сергей Платон

Колесо обозрения

Рассказы

Сергей Платон

Колесо обозрения. Рассказы

«Издательские решения»

Платон С.

Колесо обозрения. Рассказы / С. Платон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907725-7

Мало кто вспоминает, тем более, пишет о детстве и юности честно. Сборник уже известных и совершенно новых рассказов Сергея Платона — замечательное исключение. Забавные, реалистичные, мистические, наивные и сложные сюжеты адресованы, как принято говорить, аудитории старшего школьного возраста, то есть юным читателям, постигающим реальную драматургию мира и вырастающим из беспечной романтики детства. Но главное в этих рассказах — удивительная, яркая, особая атмосфера обычного счастья быть юным.

ISBN 978-5-44-907725-7

© Платон С.
© Издательские решения

Содержание

Право на дверь	6
Колесо обозрения	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Колесо обозрения Рассказы

Сергей Платон

© Сергей Платон, 2018

ISBN 978-5-4490-7725-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Право на дверь

Василий шел ночевать, спать-то надо. Медленно брел в сторону водохранилища по незаметным в густых зарослях коротких ив и тощих тополей, известным лишь ему тропам, ведущим к логову техника-смотрителя старого гидроагрегата, к веселому и толстому, стабильно пьяненькому придурку Пресноголовцеву.

Это был последний вариант ночлега на сегодня, очень неудобный, где-то в мусорных пампасах в стороне от автобусных остановок расположенный, но верный. Гостеприимный охранник допотопных турбин и шлюзов какой-то, вроде бы, бывшей ГЭС, а ныне городской водозаборной станции, что ли, (как-то так она теперь называется) всегда пускал немного выпить и поспать в подсобке.

Васю опять побили, он опять не смог уехать, и в сумерках гнева опять придумывал, как отомстить.

– Замочить! Вот вам, вот вам, вот вам! Замочить! Так вам! Вот и всё, блин, – каждым шагом он вдавливал каждое страшное слово в девственно зеркальную жёсть широченной трубы, по которой шел. Бульдозерные подошвы кроссовок звонко похрустывали белой жёстью, в которую недавно нарядили дряхлую теплотрассу, жестянка покорно изламывалась под ударами слов, охала и жалобно взвизгивала.

Сколько их, таких же юных и максимально обиженных на всё вокруг, сейчас, вот в этот самый вечер, отчаянно уничтожает мир? Избитая банальность: молодой человек обижен жизнью, молодой человек обиделся на жизнь, молодой человек задумывает жизни мечь.

Перебесится, перетерпит, да и смирится с миром. Как иначе? Жить-то надо. Но пока избитому человеку дико хотелось победить, пускай и «на отдельно взятой территории», но уничтожить всё, совсем.

Всю дорогу всеми шпыняемый, а на самом-то деле совсем ненужный никому и никогда, частенько битый другими, не менее обиженными и ненужными, мгновенно забывающий о страшной мести, как только мир вдруг возвращал хотя бы каплю простых удовольствий; моментом вспоминаящий многолетнюю обиду, когда выветривалась недолгая радость... он твердо запланировал утопить страну мудрейших гениев, лукавых гадов, простодушных работников.

И все исчезли в тот же миг! Не помогли им сотни ясных философских слов, прогрессивный всплеск улучшения коммуникаций, технологические прелести обычного комфорта и предостережения разнообразных творческих кликуш. Все они погибли! Хотя и накопили кучу вековых защит от личности. Не вышло. Всех поборола одна безграмотная человеческая особь, очень невежественная, но очень пострадавшая, а значит – могущая многое. Вот это да! Обычное ничто, в масштабах мира, всех одолело. Знать, поделом такому миру.

Щуплый парень остановился, потоптался на месте, попрыгал, вслушиваясь в тяжкие жестяные стоны, вновь попинал теплотрассу, зачарованно глядя на измятое зеркало трубы под своими ногами. Ой, как красиво!

В алых изломах отражался закат. Солнце почти закатилось куда-то за спину, туда, где оставался город, и теперь уже снизу подсвечивало неоновым софитом рваную вату облаков. Мир покраснел, в нем не осталось никаких других красок.

Что-то космическое было в этом ландшафте. Перетянутая частыми поперечинами металлических ремней, двойная труба фантастическим красным полозом устремлялась за горизонт к невысокому темно-вишневому лесу, извиваясь среди рыжих проплешин черной травы и кустарника. Справа громоздились истинно космодромные узлы объемных труб нефтепергонного завода – оранжевые, коричневые, малиновые – еле сдерживаемые сетью бурых заборов. Тоже красиво – будто в компьютерной «стрелялке» или в кино про инопланетян. Слева,

за лесом, низкие тучи подпирал мрачный силуэт очистных сооружений еще одного химзавода, дальше – черная ТЭЦ с замершим паучьим шествием корявых лэповых опор, провисшей паутиной проводов и гирляндами изоляторов, далее – только чернильная бездна. Горизонт почти не просматривался.

Юный человек оглянулся. Солнце тонуло за городом, сумрачный частокол слипшихся высоток окраинного района как в омут засасывал в себя угасающий свет, резко напознала ночная летняя темнота.

Парняга стянул алую футболку, разглядел синяки на руках и ребрах, попробовал вдохнуть полной грудью. Не получилось. Ой, как больно! На вытянутых руках осторожно приподнял футболку ближе к глазам. Содранные локти тут же болезненно отозвались на это простое движение.

«Хорошо, что красная, крови хоть не заметно», – шевельнул мыслью Василий, близоруко разглядывая грязные пятна. Неожиданно скомкал когда-то любимую модную тряпку, зашвырнул ее подальше в заросли острой травы и двинулся дальше.

Гнев исчезал вместе с закатом, но решимость уничтожить город не пропадала. Вася впервые не ощущал себя непосредственной частью всего, что вокруг. Всё, растворяющееся теперь в рубиновом сумраке, не было ему знакомым, а уж, тем более, родным и понятным. Как бы отдельно от всего этого, он просто смотрел на это всё, никак в этом всё не участвуя.

Необычное состояние не тревожило и не радовало. Что-то он понимал, но не торопился переводить мысли в слова. Что-то глобальное чувствовал. Шел, но не стремился дойти.

Думать без слов нравилось. Совершенно реальным представлялось то же самое пространство, те же самые места, только без заводов и труб, без города и проводов, даже без тепло-трассы. Те же самые места, с одним только небом и вскриками засыпающих птиц. Ой, как интересно! Он двигался в абсолютно неведомом пространстве каких-то прошедших или будущих веков, неторопливо шагал по времени.

Удивительно! Ведь он уже давным-давно не закидывался никакой дурью: не глотал «глючных колес», не курил свой «винс» под пиво, ничего такого не нюхал. Сейчас вот просто вдыхал окружающую жизнь до головокружения, при этом ощущал её только снаружи, а не внутри себя.

Человек в первый раз долго думал. Это было занято и даже прикольно, но столь непривычные мысли больно тяжелили голову, пронизывающим стоном зудели в душе, наворащивали едкие капельки слез на припухшие веки.

– Убить... город. Утопить... город. Растворить... город. Замочить... город. Не, не так. Убить город! Убить! Никого не простить! Затопить! Потопить! Всем им поздно скулить! Пусть не думают даже о пощаде просить! Утопить! Замочить! Всю их жизнь растворить! – корявый рэповый речитатив сам собой вырывался из горла, звонким эхом разносился по темной округе, точно повторял ритм ускоряющихся шагов, снова разжигая истлевший было гнев и сладкое чувство обиды.

Да, он так пел. Зачем, кому? Наверное, всему, что было вокруг и что должно было скоро исчезнуть навсегда. Он явно ощущал, как это «что-то» его слышит.

Песню вдруг остановила новая мысль. Да и не мыслью это было, а каким-то неожиданно ясным осознанием, тревожным и сумрачным. Получается, он точно так же шел здесь год назад примерно. Выходит, целый год он никак не может вернуться домой из этого города. Ведь прошлым летом его тоже побили на вокзале, он тогда тоже не смог уехать (в поезд не пустили) и Жанка повела его как раз по этой самой теплотрассе к Пресному. Ой, как всё скверно!

Василий встряхнулся, ударил себя кулаком по затылку, надеясь вытряхнуть из головы тяжкую мысль, шагнул вперед, однако вновь остановился, не пройдя и нескольких шагов.

Солнце уже исчезло, теперь светило остывающее небо ровным розово-серым свечением, симпатичным и безнадежным. Еще один напрасный день погас, а Вася стоял и медленно изби-

вал трубу ногами. Потом, присев, бил кулаками и локтями, вколачивая в жесть недавно выдуманные слова. При этом он почти кричал:

– Убить... город! Утопить... город! Растворить... город! Замочить... город!

– Как же так: «утопить-убить-замочить»? – пугающе вкрадчиво поинтересовался глухой низкий голос откуда-то снизу, из темноты под трубой. – Сам-то как выплывать будешь? У тебя и лодки-то нет...

– Кто ты? – ужаснулся Василий.

– Своих не узнаешь? Это самое. Разувай, давай, глаза и сюда плыви, золотая молодёжь. Вам бы только песни петь ваши дебильные. А деду Лёше помочь? Деда Лёша старенький, надо ему помогать, – иронично прокряхтел приближающийся силуэт, визгливо сморкнул и крепко закашлялся.

Громоздя на трубу два тяжелых брикета, постоянно отхаркиваясь и кашляя, к Васе неуклюже карабкался Пресноголовцев.

– Пресный? Ура! А я к тебе иду, – радостно шепнул Василий.

– Ура, ура... Подтяжки вот новые купил неудачные, режут. Все подмышки в рубцах, а ношу только день. Может быть, ватина подшить? А? Так потеть тогда будут. Как ты думаешь, подшивать или так разойдутся?

– Как, разойдутся?

– Ну, растянутся, в смысле...

– Растянутся, растянутся, Пресный, конечно же, растянутся, – ликующе крикнул Василий. Появление простого человека с простыми словами в тихом пространстве жутких мыслей обрадовало его до восторга. Можно было переставать думать!

– Не ори, Васёндра, слышу. Это. Вот подышим и пойдем. Книжки надо допереть, я их тут уже неделю ношу, – отдуваясь, проговорил дед Лёша.

Повалившись набок, старик пыхтел и придвигал поближе к себе упирающиеся книжные стопки, перевязанные бечевкой.

– Допрем. Они тебе зачем?

– А зачем людям книжки? Это самое. Читать!

– Ты их где зацепил?

– Там. За железкой, в лесу. Там это. Слышь, пионерлагерь мой раньше там был. Прикинь, Васька, я в него пионером сопливым часто ездил, горнистом там был, счастьем радовался, а теперь вот пошел гулять по окрестностям и нашел его. Разваленный весь он теперь, заросший совсем. Сверху клуб, порушенный в хлам, а в подвале, прикинь, – игрушек умотаться в упаковках и книжки упакованные, целые! Настоящая библиотека прямо вот рядами до потолка! В моё время хорошую книгу купить было трудно, а сегодня – дорого, тоже не купишь. А читать я люблю. А газетки надоели. А теперь у меня – своя собственная библиотека есть! Понимаешь? Хы! Прочитаю книжонки, какая не понравится – продам, а какая покажется – на полку почетную поставлю. Я же даже стеллажики им сколотил, полочки, красивенько у меня сейчас, уютно очень стало. Донесем, заценишь. Буду жить теперь и читать.

– Прикольнo, – равнодушно поежился Василий. – Понесли?

– Холодно, да? Что ты без майки-то ходишь, бестолочь? – погрозил дед Алёша мясистым пальцем в сторону васькиного лица и впервые взглянул на присевшего рядом съёжившегося собеседника. – Оба! Кто тебя так? Мент опять?

– Нет, не мент, малолетки на вокзале.

– За что?

– За футболку.

– За что, за что?

– За футболку... череп на ней потому что...

– Отобрали?

– Не-а. Сам выкинул. Да ладно...

– Что за жизнь вот у вас, всё дерётесь, дерётесь... Наширяетесь, трахнетесь и дерётесь опять. На работу не ходите... Как так?

– У тебя она лучше, что ли? – беззлобно возразил Василий.

– Всяко лучше твоей!

– Это чем это?

– Так вот. У всякого мужика дело должно быть. Эт самое... Хорошее, нужное дело. Я вот как пришел после школы на шлюз, потом в армию ходил, возвратился опять на рабочее место, так и отпахал на нём сорок лет. Всю жизнь, получается, делал одно важное дело. Пенсию за него насчитали приличную мне, а с работы не отпускают. Это. Как его? Скажи, и я скажу... Потому что дело понимаю как надо. Вот. Квартиру мне дали хорошую. Тоже не всякому так быстро давали. Вот. Шлюз мне тоже как дом, всех я тут знаю и место у меня тут моё. Получается, есть у меня целых два дома, то здесь, то там ночую, а у тебя – ни одного нет. Вот так. Ты не обижайся только, но оно же так получается...

– Я и не обижаюсь. Понесли?

– Понесли.

Подниматься, однако, оба не торопились. Просто сидели на трубе, вытянув ноги, и молчали. Тихо разглядывали темноту. Хорошо молчали, неспешно, ненавязчиво, долго.

Из-за города, по натянутой к лесу идеально ровной нитке железнодорожного полотна выполз узенький поезд. Он тоже не торопился. Медлительной гусеницей нащупывал свой путь, подсвечивал его бледным лобовым фонарем, останавливался, будто оглядываясь назад, что-то там себе понимал, видимо принимая решение, и опять продолжал тихое движение вперед, кротко нарушая тишину редкими короткими гудками.

– Эй ты, паровозик! Туту, туту... – монотонно бормотал Василий, почти не шевеля губами и не осознавая, что говорит вслух.

«Я же всё детство о тебе мечтал. Так тогда хотелось, чтоб и у меня был точно такой же, на батарейках, с разборными рельсами, с блестящими окошками, с большим прожектором на кабине локомотива. Туту, туту. А мамка говорила, что некуда нам это добро ставить и я уже большой для игрушек. А я, дурачок, решил тогда, что надо подождать, пока вырасту, пока стану настоящим машинистом и сам смогу купить себе самую классную железную дорогу. Только себе. Представлял, как буду ее собирать, играть в нее долго, и никому-никому не показывать. Сам буду большим, а сам буду играть. Туту, туту. Ну и вырос? Ну и что? Ну и не нужен ты мне...»

Все эти смыслы Вася выражал одним-единственным звуком – «туту».

– А я очень люблю на паровозах ездить, – шепотом отозвался Пресноголовцев, – но за всю жизнь проехать получилось только два раза, в армию и обратно.

«Как это он догадался, о чем я думал? – поразился Василий, лениво теребя перекрестье узловатого шпагата на книжной вязанке. – Станный какой-то Пресный сегодня, не такой, как всегда. Очень уж нормальный. Не орет на меня, не поёт свои похабные частушки, не матерится, про водяру не спрашивает. Будто бы и не он это, а какой-то другой, добрый дедушка. Про работу и армию вдруг рассказал. Надо же, тоже служил. Книги тащит. Молчит хорошо. Что это с ним?»

– А может, это со мной? Туту, туту... – уже вслух удивился парняга. И вдогонку домыслил: «Ни с кем я так об этом не думал и не говорил никогда».

– Что... с тобой? – осторожно спросил дед.

– Да... Просто думаю.

– Думай, думай. Да...

Всю жизнь, до этой ночи, Васечка напоминал хоряка. Такой же ладненький, естественный, пластичный, обаятельный, подвижный, милый. Такой же вонючий и гадливый. Типич-

ный звереныш. Прелестный улыбчивый юноша с небольшими влажными глазами, совершенно стройным телом, хищным ртом и крохотным мозгом. Или что там у этих ханориков, шиншилл, песцов и соболей ютится в головах? Биологический микрочип управления движением, борьбой за пищу, стремлением к удовольствию и размножению? Более сложная программа синтеза инстинктов и рефлексов?

Пока он забирался прилаживать отвалившийся кусок фанеры в единственном окне над бывшей проходной, успел два раза громко пукнуть, и остро рассмеялся вместе с Пресным. Отрыгивание, чихание, бульканье в кишках, икота, как и все другие звуки человеческого естества, даже сексуальные девчачьи «охи-вздохи» вызывали у него оживленную веселость.

Жизнью и окружающими Василий пользовался легко, как африканский подросток автоматом Калашникова, нисколько не задумываясь, откуда что берется в мире. Брал у жизни не стесняясь, без трепета и удивления перед великими умами, все это придумавшими, без ненависти, но и без любви. Нередко просто крал, то есть, не брал, а воровал у жизни или грабил её, но делал это весело и только по необходимости. Он был смешлив и беззаботен.

Сейчас вот просто радовался тому, что нужен. Тому, что помогает. Тому, что ловко сделал то, чего дед Лёша сам бы никогда не смог.

От Васи часто пахло чем-то кислым. Да что уж там, воняло, прямо говоря. Ну ладно, попахивало время от времени или слегка несло. Почему-то так и не научился парень чистить зубы, умываться, ежедневно полоскаться в душе. Элементарно с детства не привык. Хоть и не видел смысла в «идиотских гигиенах», но не признавался в этом никому, даже имитировал их, когда рядом были люди. Входил в ванную комнату, открывал воду, намачивал в струе горячей воды зубную щетку, прыскал пальцами щепотку брызг себе в лицо и утирался полотенцем.

Так и жил. Примерно так когда-то он и муторную школу имитировал, и отвратительную помощь родокам по дому и в саду, и каждую непродолжительную тошнотворную работу.

Сейчас, сидя на козырьке стеклянно-алюминиевой входной группы, заделанной частыми фанерными заплатами, ожидая молоток и гвозди, Василий с удовольствием вычесывал пятерней перхоть из мохнатого стога русых волос, аккуратно счищал ногтями зубной налет, тщательно оттирал ладонями грязные сгустки чужой крови с худых запястий и содранных костяшек пальцев. Вот и вся гигиена. Чистился и улыбался. Он появился кстати, оказался нужен. Он оправдал свой одноразовый ночлег. На сегодня у него была дверь.

– Это самое. На-ка, – крикнул дед Лёша, забрасывая молоток на крышу. – Это. Гвозди не нашел, ты старыми приколоты. Получится? – И отошел подальше, чтобы лучше видеть, прикрыв глаза ладонью, как от солнца, хотя кругом давно и плотно уже расползлись кирпичные потёмки, тусклый желтый свет проклевывался только из-за окон.

– Получится! А то. Я быстро, – откликнулся Вася, улыбаясь во весь рот, и взялся ворочать непослушным фанерным листом.

– Ты знаешь, на когоходишь? На драного котяру.

– На кого?

– Это. На котейку. Котик, котик, обормотик, ты зачем написал в ботик? Котик тихо прошипел: очень писать я хотел! Тра-та-та-та-та-та-та... У мамы у моей, кота тоже Васькой зовут. Такой же шлёндра, как и ты. Неделями колобродит где-то, а потом наблудится, припрется и послушный такой, ободранный, ласковый, грязный.

– У тебя что, есть мама?

– Ну. Это. Я ее мамой зову, а так-то она мачеха. Девяносто два года ей. Но ничего, крепкая такая, сама себя обслуживает, и меня еще воспитывает. Ха! Я даже это, иногда ее боюсь, вдруг заругается.

– Прикольно.

– Ничего не прикольно. Это самое. Вот вдруг помрет, а как же дальше? Вообще не представляю, как без нее жить. Это. Жила бы дальше, вот и хорошо. И не болела бы, – бубнил

себе под нос Пресноголовцев, отлично понимая, что этих слезливых слов Василий не разберет. Говорил это только себе, и не хотел, чтоб кто-то это слышал.

– Чо?

– Ни чо! Слезай уже, помогайло. Нормально всё. Я тебе тут это, – торжественно махнул Пресный облупленной с боков солдатской фляжкой. – Кто охотку моет водкой, тот не трет ее вехоткой! Будешь?

– Вехотка, это что? – улыбнулся Вася, спрыгнув на землю.

– Что, что. Это самое. Чем люди моются? Мочалка это!

– Откуда ты столько частушек знаешь?

– Лет через пятьдесят и ты узнаешь, сыночка. Пойдем.

Они еще долго канителились у входа, запирая тяжелые стеклянные двери, тонированные серой пылью. А сверху, с края козырька, за тонким юношей и полнотелым дедом осторожно наблюдало какое-то плешивое живое существо. Разросшийся хорек? Или похудевший барсук? Может быть, вообще, мутант какой-то, может, просто одичавший серый кот. Наконец, возня внизу перестала его интересовать, прихрамывая, зверь медленно направился к фанерному окну, принялся к щелям, бликнул зеркальными глазами, фыркнул, послушал наступившую тишину, и уковылял в густую темень.

– Ну, что? Это самое. Утешимся малёхо, дитя моё? – бойко хохотнул Пресный и смутился. Ему вдруг стало стыдно за неуместное, чужое в их кругу обращение и жутко совестно за собственное корявое благодушие.

– Я не дитя. И не твое. Ты что это?

– Да это я из книжки, там так говорят, – оправдывался дед, разливая по стаканам содержимое фляги, уткнув глаза в столешницу.

Вася высвободил из-под полы синей вохровской шинели тонкую голую руку, дотянулся до стакана, поднес его к носу.

– Спиртяга?

– Чистый! Ну, это. В смысле, не бадяжный, уфимского завода. Это. Целую коробку взял вчера.

– Ты хоть разводил?

– Конечно. Мне же чистый вредно. Сейчас еще разбавлю. Пей.

– Жанка заходила?

– Нет.

– Куда-то умотала... А давно была?

– Давно. Посеял подружайку?

– Ну.

– Найдется. Приползет ко мне, куда она денется? Ну, давай сначала за встречу!

На третьем тосте разговор у них «пошел». Спирт постепенно разогрел холодные неловкости (разумеется, люди же впервые выпивали «на двоих») и тосты уже были не нужны. Обоим стало просто хорошо. Оба, наконец, нащупали единую интонацию, найдя необходимый для хорошей трепотни общий застольный тон.

– Я в сапог нассала! И в другой нассала! И стою, люблюса, во что же я обуюса? – умогательно запел и дурашливо затанцевал счастливый толстяк, выглянув из темноты, виртуозно попадая точными «бульками» из фляжки в логические паузы частушечного шедевра. Вася подавился смехом.

– Ну, ты даешь!

– Это. А ведь у нее серьезно всё, как у Жанки у твоей, – перебил Пресный.

– У кого?

– У этой кулёмы. Обуви лишилась девка, ничего смешного. Понимать надо! В чем теперь на танцы-то пойдет? Какая вот нам всем разница, почему человек бедным стал? Сам он вино-

ват или другие довели? – проворно лопотал дед, втискиваясь в кресло. – Ведь пофиг. Если бедный – надо помогать, жалеть его. Это. Я же Жанну твою знал, когда она еще у нас работала. Модная и гордая такая ходила, меня в лицо жердям обзывала, не нравился я ей. Начальница была. Жанна Владимировна. Начальникам вообще мало кто нравится из работников. Чуть не уволила тогда. Под бабским руководством, в бабьем рабстве жить – гаже некуда. Что, мне ее теперь ночевать не пускать? Наморщить рот куриной попкой и напомнить, как на меня орала?

– А за что орала-то?

– Это. Выпил я маленечко ночью. Не нарезался, а просто выпил. А они, аккурат, шлюзы водоканалу передавали, бегали-волновались. Всех передали, а Жанну Владимировну забыли. Судьба, зараза. Ходит теперь как задрипанная дрипощебина. Она тогда другая была. Муж у нее сильно подлый был, тоже у нас работал, вот и она пакостила. Не развелась бы если, так и не стала бы человеком.

– Тоже мне, человек...

– А что? Слишком душевная она у тебя, потому вот и душная. Понимаешь? Но с ней иногда так-то хорошо поговорить. Мантулиться мне уже не по возрасту, а просто поговорить с девушкой приятно, интересно. Несчастливая она, нудная, но добрая. Одинокие всегда добрые. Это. Ты вот одинокий?

– Да.

– Значит, хороший.

– А ты?

– И я.

– Тебе хорошо. У тебя есть дом, работа и дверь.

– А у тебя что, нет?

– Не-а, и не было ни разу. Я же когда только родился, нас с мамой сразу вывалили ночевать в коридор на кушетку, прямо на сквозняк. Представляешь? Прямо как бомжей в подъезде. Понимаешь? Даже не в палату! Мама мне рассказывала. Потом отец украл нас из роддома через окно.

– Зачем?

– А там все дети передохли, а меня не отдавали. Синегнойная инфекция, типа.

– Ну, ладно. Ну, украли. Но принесли-то домой? Или куда?

– Ага. Домой. На кухню. А я же тоже имею право на дверь! Понимаешь?..

Поначалу собеседники уселись в подсобке за вахтой, куда Пресный и стаскивал книги с игрушками. Три стены этой комнатки облепили высокие деревянные стеллажи, почти заполненные разнообразными коробками и книжками с новыми корешками. У наглухо заколоченного окошка стоял диван и письменный стол. Хоть уютно и красиво там было, как в магазине «Детский мир», но потом все-таки перебрались в огромный гулкий зал старой проходной. Теснота не устроила.

Сидеть в широком полумраке зала на продавленном широком кресле, закутавшись в колючую широкую шинель, было куда уютнее. Ой, как просторно и тепло! Пресноголовцев развалился в таком же крупном кресле на колесиках, даже ему там было не тесно. В бледно-желтое пятнышко света от настольной лампы, прямо на пол, на газету, поставили стаканы и тарелку с закуской, рядом положили фляжку. Иногда дед поднимался и, запинаясь об удлинитель, плелся разводить напиток. Василий в эти паузы опять с удовольствием оглядывался вокруг. Зал напоминал ему сказочный грот или пещеру в непогоду.

«Интересно, чтобы шлюз открыть, надо бы какую-то кнопку нажать или какой-то вентиль открутить? Как воду-то выпустить? Наверное, не вентиль, это же не сантехника. Тут автоматика, наверное, всё держит. А как спросить у Пресного? Вдруг, догадается? Да нет, ему сейчас не до того. Смешной старый лох. Игрушки с книжками он мне показывает, и радуется, как малолетка. Поговорить, поспрашивать, пусть порассказывает, пусть покажет кнопку... Не знаю

только, грохнуть его или пускай сам нажрется и отвалится? А если замочить, то как? Он же тяжелый, толстый. Ладно, потом решу. Сначала – кнопка!» – сосредоточенно раздумывал Василий, натужно улавливая в себе остатки гнева и решимости.

Он уже не чувствовал, что именно сегодня на рассвете «все поплывут».

Перед лицом, за двойной стеклянной стеной монотонно лил сильный ночной дождь, хорошо освещенный дежурным прожектором. Не дождь, а прямо тихий серебристый водопад! За спиной, за вертушками, в черноте неведомых коридоров и закоулков, слышались редкие щелчки, машинный гул и странные шорохи. Ой, как тепло и хорошо!

«Пускай пока живут себе, не надо никого мочить», – тихо подумал Василий, растворяясь во сне.

Колесо обозрения

– Знаешь, как он тебя назвал?

– Как?

– Новый папа! – глухо рассмеялась коренастая женщина, прикрыв улыбку кожаной сумкой с потертым, аккуратнo заштопанным уголком.

Из сумки торчали игрушки, бутылка сладкой газировки, лопатка и зонтик, свисал капюшон детской курточки, виднелся помпон вязаной шапки. А над всем этим типичным родительским набором самого необходимого для воскресной прогулки в парке с ребенком сияли счастливые глаза. Их даже несколько не портила излишне яркая подводка, черная тушь на светлых ресницах и синие тени. Глаза эти тоже смеялись безмятежно и искренне.

Коренастый мужчина в новом и явно неудобном костюме, сморщив губы улыбкой, присел на корточки над большеголовым малышом. Ребенок выпучил и без того огромные, совершенно мультяшные глаза с белесыми ресницами, разглядывая коричневые лацканы, блестящий золотом значок, ворот клетчатой рубашки, золотой колпачок авторучки, прицепленный к наружному карману, узел синего галстука и крепкую красную шею. Так близко он увидел их впервые, как и огромные ладони, взявшие его за плечи.

– Так, слушай, – глухо откашлялся мужчина. – Какой я тебе новый папа? Я твой просто папа! Скоро вместе будем жить. Все вместе, ты и я, и мама. Понял, Лёнчик?

– Я Алеша.

– Какая разница? Ты меня понял? Кто я для тебя?

Мальчик абсолютно не разобрался, на какой из вопросов надо ответить, но на всякий случай согласился:

– Да.

– Что да? Кто я тебе?

– Папа? – осторожно предположил мальчуган.

– Папа, да. Соображай, друг дорогой, и не тупи.

– Пить будете? – присаживаясь рядом, спросила мама. Положив сумку, игриво вынула большую пластиковую бутылку, выдала им в руки, прильнула всею собой к коричневой мужской спине, уцепившись руками за широкие плечи. Она дурачилась, ей нравилось резко выглядывать то из-за одного, то из-за другого плеча, показывая сыну язык. Детеныш хихикал, такая игра ему тоже нравилась, он раскачивался, пытаясь угадать, откуда вновь появится мамино лицо.

Над ними, хрустя и скрипя, медленно вращалась громадина старого колеса обозрения. Ветхое оно у нас, это колесо, ржавое, скрип от него на весь парк. Честно-то говоря, боязно влезать на такое вот, действительно чёртово колесо, дай бог ему здоровья, готовое не сегодня, так завтра сорваться с прогнивших опор, эффектно скатиться под горку, и с грохотом плюхнуться в обмелевшую речку у парковой набережной. Скрежет от его вращения беспокоил то ли тихим воем, то ли стоном некоего крупного животного, завершающего свою жизнь. Сомнений никаких, скоро эта жизнь закончится наверняка, колесо стоит в парке Маяковского годов с семидесятых прошлого века. Все, решающие прокатиться, тревожатся, конечно, а вдруг как раз в момент их близкого знакомства с этим чудищем, как раз в момент их отрыва от земли издохнет наше механическое существо и рухнет вместе с ними? Все трусят, не без этого, однако не уходят. Как говорится, все пищат, да лезут. В кассу вон целая очередь выстроилась.

– Не сдам я вам! Идите, меняйте... – выстрелил острый голос из недр кассовой норы, как из амбразуры.

– Вы обязаны сдать сдачу! – гневливо просипел в ответ мальчишкин папа, наклонившись к окошку, будто к микрофону. Он не принял возражений, насупился уже, раздражался, но дер-

жался. Билеты были у него в руках, мальчик ежился и жался к маме, а на блюде кассы сквознячком трепыхалась новенькая купюра самого крупного номинала.

– Ну, хорошо, я сдам. Только разменяю сначала, – неожиданно мирно прокричала кассирша, – подождите чуток.

Купюра исчезла, окошко закрылось, маленькая бытовая война не состоялась.

Двое почти взрослых школьников из очереди тут же заняли вынужденную паузу увлекательной игрой в войнушку, не хотелось им стоять спокойно. Эти лоботрясы срывали оранжевые гроздья переспелого кизила с кустов, окружающих кассовую будку, быстро съедали вяленую мякоть, обсасывали косточки до белизны, от кислоты комично-драматично корчили друг другу кислые рожи, и метко стреляли косточкой из влажных пальцев прямо в рожу противнику, стараясь увернуться от ответных выстрелов. Прямое попадание рождало громкий хохот, причем, не только у дурашливых бойцов, затеявших потешную перестрелку, но и у очереди.

– Так, блин, живой уголок имени Дурова, может, уже пропустите меня? – кричала вернувшаяся кассирша, норовя проскочить к своей двери за кустами, и тоже смеялась.

По дороге она сунула сдачу в руки мужика с билетами, почти уже исчезла в будке, но тут в ее затылок, последним залпом той комической войны, прилетела кизиловая косточка. Парни вытянулись по стойке смирно. Кассирша развернулась, медленно прошла перед ними, будто низкий генерал перед строем долговязых новобранцев, неспешно изучая очень серьезные лица с очень смеющимися глазами, покрутила у каждого перед носом меленьким кулачком, возвратилась к двери и уже оттуда крикнула:

– Я вот вам стрельну! Мало не покажется!

Вновь открылось окошко, очередь резво двинулась и скоро начала исчезать. Притормозилось движение, когда подошел черед двух лоботрясов, они положили на блюде необходимую сумму, а вместо билетов увидели фигу из кассового окна. Народ, естественно, смеялся. Чем завершилась новая стадия комичной войнушки, Алеша, мама и новый папа не узнали, поскольку они уже подошли к новой очереди, на посадку.

Рассаживал суетливый дедок в мешковатом комбинезоне. Он отрывал корешки билетов, на ходу вталкивал пассажиров аттракциона в проплывающую люльку с четырьмя металлическими креслицами, тыкал пальцем в цепочки и крючки на ручках сидений, объясняя, что это страховка, пересчитывал по головам, чесал бороду под подбородком, и бежал к сетчатой калитке за следующей группой. Пропуская Алешу с мамой, дед поторопился, сначала прижал сумку калиткой, помяв пластиковую бутылку и зонтик, потом резко выдернул и впихнул в руки растерянной женщины.

– Я чота не понял, – гневно ругнулся мужчина, – ты чо это, отец? Глаза разуй! Видно, не отпустило его предыдущее раздражение, теперь вот и выплеснулось.

– Простите, – невозмутимо извинился дед.

– Ладно, поезжайте, я жду.

Поднимаясь, люлька дребезжала и немного раскачивалась, под ней завывали моторы, с каждой секундой этот электрическо-металлический гул становился слабее, он оставался где-то внизу. Алеша и мама плавно взмывали над городом. Мальчик вцепился в холодные поручни, смотрел только прямо перед собой, сбивчиво дышал и трясся. Мама говорила ему что-то ласковое, показывала какие-то дома на горизонте, объясняя, что вот там, среди них, находится их дом. Мальчишка взглянул в сторону маминых жестов, посмотрел ей в лицо, всхлипнул, опустил глаза в пол. Мальчик плакал.

– Ну, что ты хнычешь, Лёшик? Прямо, как лялька. Ты ведь уже большой.

– Ботиночки, – чуть слышно прошептал ребенок.

– Что?

– Ботиночки, – каким-то ужасающим шепотом выдохнул мальчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.